

МА

РАЙОННО

Станислав Росовецкий

Маньяк районного масштаба

«ИП Стрельбицкий»

Росовецкий С.

Маньяк районного масштаба / С. Росовецкий — «ИП Стрельбицкий»,

Наше время, последствия финансового кризиса... Психологические и социальные условия существования в бедном шахтёрском городке порождают в мозгах местной голодной интеллигенции вывихи, смертельно опасные для сограждан. Один из подозреваемых, спасая себя, пытается вычислить серийного убийцу сорокалетних женщин, однако профессиональное дознание столичного сыщика, присланного в помощь беспомощному местному следователю, приводит к совершенно неожиданной развязке. Главное же расследование предлагается провести самому читателю. Намёки на личность безжалостного убийцы вплетены в повествование с самого его начала, но вот удастся ли их расшифровать?

Содержание

Глава 1. Задержание	6
Глава 2. Знакомство	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Станислав Росовецкий
МАНЬЯК РАЙОННОГО МАСШТАБА
Чёрный детектив из
провинциальной жизни

*Я продолжаю жизнь твою,
Мой праведник отважный.*

Николай Заболоцкий.

Глава 1. Задержание

Ей не уйти! Сильный и уверенный в себе, он вот-вот настигнет её. И совершенно напрасно пытается эта пухленькая избежать его крепких рук, бестолково, с дурацкими «Ой!» да «Помогите!» мечется по своей мещанской комнатке. Да и не слишком он и торопится, если во время этой восхитительной и возбуждающей погони находит время ещё и присмотреться к портретам на стенах, а один из них, увеличенная и аляповато подкрашенная фотка бравого матроса, успевает подмигнуть ему. А вот он, наконец, хватает её, вместе они рушатся на диван, возделенное торжество близко, но вдруг она выскальзывает, скатывается на пол, поднимается, бежит снова...

– Где вы там, Столбов?

Он скатывается вслед за нею, но вместо того, чтобы подхватиться на ноги и снова погнаться, вдруг присматривается к вышивке на стене, изображающей сидящую кошку. Кошка неумолимо увеличивается в размерах, она медленно поднимает лапу с выпущенными когтями, раскрывает пасть – однако вместо мяуканья:

– Гражданин Столбов, проснитесь!

Веет внезапным холодком – явный призрак бесовского присутствия. Огромная кошка, уже ухватившая лапой его за плечо, вдруг тает в воздухе и превращается в нахального молодого человека, посмеявшегося его, Евграфа Ивановича, разбудить в собственной его постели. И устроить в спальне настоящую иллюминацию: горят одновременно люстра, торшер и лампа-грибок на тумбочке – а платить ведь ему...

– Одевайтесь!

Молодой, чернявый, с галстучком, лицо смутно знакомое, а выражение на нём (да ты погляди только!) сочувственно брезгливое. Тормозит его за голое плечо, рука влажная, но не сказать, чтобы холодная. Это он, гаденыш, одеяло откинул, вот почему проняло холодом. В ногах – мент в форме, в звании... нет, погон с кровати не видно. Коренастый, морщинистый, безразличный. Определенно на своей волне, поэтому пострашней юнца. И рука на кобуре. Господи! Всю жизнь боялся, что такое с ним случится, вот и дождался, старый козёл.

– Это ошибка! Я Столбов Евграф Иванович, вы в моей квартире. Я тут прописан... регистрация то есть... Пустите меня, я паспорт покажу!

– Паспорт не помешает, гражданин Столбов. Хотя именно вы нам и нужны.

– Спросонку он, очумел со сна, товарищ лейтенант. Дозвольтэ, я...

– Валяйте, Федор Несторович. И сколько раз повторять вам, что такое обращение давно устарело!

Евграф Иванович потихоньку пришел в себя. И углядел: когда пожилой мент принялся лениво, но сноровисто обшаривать его пиджак и брюки, с холостяцкой аккуратностью расправленные на стуле, лейтенант в штатском засунул руку под мышку, а ноги расставил. За кого они его принимают? Или у них игра такая, ментовское реалити-шоу?

– Чисто, пан лейтенант.

– Одевайтесь, Столбов.

– Никуда я не пойду... Не имеете права забирать без ордера... И без адвоката.

– Одевайтесь. Объясните ему его права, Федор Несторович.

– Шо?

– Введите в курс дела.

– Ага. У задержанного такие права, что которые сопротивляются следственным действиям, трэба им потом тратиться, зубы вставлять. Зубы, они что – мелочевка, а от как почка невзначай лопнет, отут уже и вправду неприятность...

– Я вам сейчас переведу, гражданин Столбов. Вы можете быть задержаны по подозрению в совершении противоправного деяния на двое суток без всякой санкции прокурора. Адвоката же увидите... А что – у вас есть адвокат?

Евграф Иванович только засопел, натягивая брюки. Слыхал он: в тюрьму, как на призыв, надевают, чего похуже. Нам без разницы: на нас если не свое рванье, так секонд-хенд. Ещё белье взять, говорили, сухари, курево. Полпачки с собой, и то хлеб. Безобразие, однако! Полицаи поганые, да будь он помоложе... Тут Евграф Иванович вспомнил о своей работе и облился холодным потом.

– Вот видите. Какие у нас тут, в Мышанске, адвокаты? Со своим адвокатом вы познакомитесь, когда будет готово обвинительное заключение. Придётся подождать... Встать, Столбов! Руки за спину! Выходите.

Ладно, он пойдет. Не первый и не последний. Понадеялся, есть такой грех, что минует его сия чаша, а нет. От сумы да от тюрьмы...

Половицы скрипят, дверь воет.

– Можете запереть.

Привычно сует ключ под коврик. Уже смирился, уже менты для тебя что отцы родные, а от отцов какие секреты? Столетия рабства, бесправия, беспредела... Холод приятно бодрит. Словно предутренний, а может быть, и в самом деле уже под утро. Выспался в основном как будто, в голове не гудит, странно... Часы забыл! И мобилку!

– Вы не скажете, который час?

– Уж лучше мы будем задавать вопросы, гражданин Столбов.

Твердая рука мента, зацепившая локоть Евграфа Ивановича, вздрагивает – тут привычка требуется! Это Чёмик поднял истерический, звонкий лай. Забился в щель, защитничек, но всё же осмелился напоследок, подал голос. Спасибо и на том.

Стук калитки. Давно пора прикрутить новый крючок. Двое суток! Набегут соседские куры, что будет с грядками? У тротуара припаркована легковая. В салоне темно. Пожилой заталкивает его на переднее сидение, рядом с неподвижным водителем. Мелькнуло облегчение: в кино Евграф Иванович многократно видел, как арестованных зажимают на заднем сиденье между качками-оперативниками. Может, и пронесёт как-нибудь. Или розыгрыш? Нет, некому теперь его, дурака старого, разыгрывать...

– Не оборачиваться! Федор Несторович, у вас убедительнее выходит...

– Ещё раз повэрнэшь голову, гад, – отак, с повэрнутою головою, и проходишь до самой смерти!

Убедительно. Вот тебе и розыгрыш... Просто они оставили в машине, как пошли его забирать, бабу и не хотят, чтобы он её видел. Бабской химией пахло, как открывали для него дверцу, а уже потом бензином и кирзовыми сапогами водителя. На заднем сидении темная масса вжималась в угол, а только что, оглянувшись, успел он заметить, как навстречу блеснули очки. Кто бы это мог быть? Да мало ли кто! В понятия свою же секретутку взяли, практикантка случилась какая-нибудь – или даже подруга этого молодого, упроставшая взять её на арест. Скучно в Мышанске молодым, ох, как им, должно быть, скучно...

– Тут направо.

Съехали с асфальта, в световых пятнах от фар мелькают кусты. Всю жизнь в Мышанске прожил, а где едут, не узнаёт. Или это у старой выработки? Тогда сейчас появится пляж. Нет, свернули ещё раз, ветки бьют по стеклу...

– Здесь. Выходите, Столбов.

Сразу же с двух сторон подхватили за руки – тот пожилой, и ещё один: поджидал их, наверное, на месте. Тропинка узкая, молодой вполголоса матерится, Федор, как его там...? Федор Батькович молча ломает Столбову руку. Темно, как всегда перед самым утром. Безлунно. И звезды заволкло. Остановились. Прямо под ногами темный мешок.

– Покажите ему.

Засветились фонарики. Пожилой отпустил его руку, шагнул вперед, наклонился, кряхтя, и сдернул тряпку. Евграф Иванович, зная, что именно сейчас увидит, невольно зажмурился. Яркий блеск фотовспышки проник через его веки, а когда раскрыл глаза, снова сверкнуло. Он ослеп, и пока глаза привыкали, просто вспоминал то, что успел рассмотреть перед второй вспышкой блица. У пожилого мента сержантские погоны – ну и что? А то, что не хочется думать о трупе... Вот он снова проявился за белым пятном, куда от него денешься?

Женщина. Одета, лежит на боку. Но колени полусогнуты, уродливо напоминая о соитии, а руки словно бы прикрывают грудь. В кофточке: кофточку на ней оставил убийца. Убийца – кто поверит, что тут не убийство? Нечего прятать голову в песок. На руке у неё, на той, сверху, блестит... Да-да, рука правая, и на пальце том, где нужно... Обручальное кольцо. Лежит босиком, короткая юбка натянута, сколь возможно, на колени, голую кожу икр щекочет сухой бурьян. Нет, уже не щекочет. Голова запрокинута, словно у...

– Столбов, знакома ли вам потерпевшая?

– Словно у куклы... Что? Мне лица не видно, как же я могу сказать...?

– Подведите его. И посветите, Федор Несторович.

С ним возятся, протаскивают через гибкие кусты. Зацепится сейчас, оторвёт нитку, костюмчик-то ветхий – заявят, что оставил на месте преступления. Впрочем, хороший адвокат повернул бы ему на пользу...

– Что ж не смотрите, гражданин Столбов? Придётся взглянуть.

Господи, как похожа! Не может Ольга лежать здесь. В похабных этих кустах (известно ведь уже, что за место). В Пярну бывшая его благоверная, пребывает с новым супругом-эстонцем в счастливом втором браке. А эта несчастная – тоже красотка-блондинка, и накрашена так же. То есть такого же типа боевая раскраска, хотя у Ольги всё-таки поскромнее получалось. Прямо обожала (её словечко) эту гадость, как с ней ни воевал...

– Что такое?

– Да так, пустое, господин следователь. Я её, эту вашу потерпевшую, не знаю.

– В «Афродите» не бывали разве?

– Где уж нам в ваше... в господское кафе... Который месяц нам зарплату задерживают, будто не слышали? И я ведь далеко живу от вокзала, и работа моя в противоположной от него стороне.

– Что вы там бурчали, в начале опознания потерпевшей?

– А, да так... Показалась мне похожей на мою бывшую жену, гражданин следователь.

– Ну, ваша ведь не в Мышанске проживает... И вы же официально с нею развелись, если не ошибаюсь. А тогда она в нашем с вами раскладе фигурировать не может, Столбов. Так, значит, потерпевшая вам не знакома?

Евграф Иванович помотал головой. Ишь ты – «не может фигурировать»... И ещё как может, молокосос! Видно, самому не приходилось разводиться, а то не ляпнул бы такой чепухи.

– Зафиксируйте ещё разок в процессе опознания.

Евграф Иванович зажмурился. Снова вели его той же тропинкой через кусты, памятные по молодым годам подавляющему большинству жителей Мышанска, а Варваровки, шахтёрских кварталов городка – так поголовно. Многие, наверное, и зачаты здесь, в этих кустах, куда алкоголики к вечеру не рискуют забираться: недолго и по морде от разгоряченного парня схлопотать, да и звуки можно услышать, грустные для разочарованных этих мужиков. Май на середке, так что пусто здесь не по сезону: полиция, небось, распугала парочек своими сиренами.

На сей раз, как заталкивали Евграфа Ивановича в машину, он не поглядел на заднее сиденье: там ли ещё очкастая баба, нисколько теперь не интересовало. Начиналась реакция на увиденное: желудок болезненно сжался, под горло подкатывало, и пока выезжали на асфальт, чуть его не вывернуло – и ни крови ведь, ни особого запаха пока. Что домой отвезут, уж не надеялся. И потому не очень-то и огорчился, когда подкатили они под матово светящуюся стеклянную полосу «Отделение полиции».

Пусто было в коридоре, и на счастье Евграфа Ивановича, не случилось там не то чтобы его знакомых, но и вообще свидетелей водворения в ментовку. Мужик сидел на скамейке, согнувшись, как сложенный перочинный ножик, да так и не поднял головы, когда сапоги сержанта прогрохотали мимо. Вот дежурный, располневший старший лейтенант, что дремал за длинным столом, похожим на прилавок, тот вскинулся и остро, заинтересованно взглянул на Евграфа Ивановича, даже дернулся было привстать, но остался на месте. Информировали его, значит, за кем поехали... Растрезвонит теперь, баба толстая...

В кабинете тот же душок вокзала или электрички, которым и на воздухе несло от сержанта, а по тому, как устраивался молодой за старомодным канцелярским столом, понял Евграф Иванович, что это и не его кабинет вовсе. Молодой кивнул сержанту, и тот вышел, бережно прикрыв за собою дверь.

Следователь выставил на стол старый, девяностых годов, кассетный диктофон и принялся возиться с ним, значительно поглядывая на задержанного. За деревянной перегородкой стукнуло, зашкрипело. Через пару минут вернулся сержант и, поймав взгляд молодого, кивнул. Евграф Иванович беспомощно оглянулся. Какую ещё каверзу ему приготовили?

– Т-а-а-к... Фамилия, имя, отчество ваши?

– Столбов Евграф Иванович. Год рождения...

– Покажите документ, удостоверяющий вашу личность.

– Паспорт дома остался, я же вам предлагал...

– Федор Несторович, то есть сержант Кийко, где вы его задержали?

– Так крался по-пид заборами на Пролетарской, товариш следователь. Как подозрительный был мною задержан. При задержании оказывал сопротивление, нецензурно матергался.

– Вот видите, Столбов. Для выяснения личности мы можем задержать вас на два дня, а за хулиганские действия и за сопротивление при задержании – ой-ёй-ёй! Уж лучше чисто-сердечно признаться. Да и душу облегчить...

– В чем же это должен я перед вами душу облегчить, по-вашему?

– Сколько яду, сколько иронии... Можно подумать, что на моём месте сидите, Столбов. Увы и ах... Так будешь правду говорить?

– А из чего видно, что я говорю неправду?

– А с того хотя бы, что не признаёшься в знакомстве с потерпевшей!

– А почему это, спрашивается, должен я её знать?

– Да потому что вы её убили, Столбов. Вот почему.

Евграфу Ивановичу даже полегчало. Хотя ясно теперь, в чем обвиняют, – а то ещё, глядишь, приписали бы покушение на супругу мэра, нет..., теперь у нас городской голова, за всеми этими их переименованиями трудно и уследить.

– Я никого не убивал, гражданин следователь. Мое задержание незаконно. Вы меня называете Столбовым – следовательно, с самого начала знали, кто я такой.

– Можэ, сперва в аквариум его, товариш следователь? Поплывает тамочки, станет поговорчивее.

Евграф Иванович лихорадочно вспоминает: обычная бетонная коробка в один этаж, асфальтированный двор, ну, там ещё их гараж... Нету в этом отделении никакого бассейна! Ему представился бак со смрадной водой, и как твердые руки сержанта удерживают его

голову под поверхность, не дают вдохнуть. Собраться с мыслями, вот что сейчас необходимо. Какой тут, в самом деле, адвокат? Спасение утопающих – дело рук самых утопающих...

– Вы задали два вопроса, я со всем моим уважением к власти отвечаю: не знаю её – и не убивал, разумеется. Вы что же, думаете, что если станете топить меня в своем аквариуме, принудите себя оклеветать?

Сержант с комическим изумлением уставился на Евграфа Ивановича и, повернувшись к следователю, покрутил толстым пальцем у виска. Этого ещё не хватало! Наглая морда следователя морщится глуповатой, неожиданно застенчивой улыбкой. Знакомой улыбкой... Да это ж, как его там...

– Аквариум, хм, аквариум... Пока повременим, Федор Несторович. А вот... Водички не желаете? Выпейте вот водички.

Евграф Иванович схватил стакан, расплескал воду, облился и стукнул стаканом об стол:

– Да не нужна мне ваша вода... Вы же Дрынов? Сын провизора? Выпуск... постойте-ка, две тысячи одиннадцатого?

– В принципе я не обязан представляться подозреваемому. Впоследствии – тогда, конечно... А вы чем-то удивлены, Столбов?

– Удивлен? Так обращаться со своим учителем?!

– У вас, Столбов, сентиментальные представления о жизни. Как, говорят, и у многих убийц. А спрашивается, что я видел от вас, Граф Фуянович, хорошего? Вы, во всяком уж случае, не... как оно поётся? Вы же не «с седыми прядками учительница первая моя». Да и Марье Петровне мы, помнится, дохлую лягушку положили на стул.

Сержант крикнул неодобрительно. И без этой неожиданной поддержки Евграф Иванович позабыл про всякий свой страх – до того расслабился. Еле выдохнул:

– Учитель для вас... уже понятно, что представляет для вас учитель. Но я же человек, Дрынов!

– Человек... А потерпевшая – не человек? А те, которых вы ещё убьете, если вас не остановить – не люди? По Мышанску бродит маньяк, а вы на нас смеете бочку катить за то только, что вас в оперативных целях взяли под локоток! Маньяк, понятно?

– Товарыш следователь! – сержант крикнул значительно и скрипнул стулом. Евграфу Ивановичу показалось: и в перегородку за спиной молодого хама что-то стукнуло. Но того уже понесло, он даже бухнул кулаком по столу, распаляясь, похоже, собственным красноречием:

– Не хотите в камеру, не хотите побеседовать по душам с Федором Несторовичем – колитесь! Понятно?

Это последнее «Понятно?» уж явно требует ответа: Дрынов молчит, уставился на Евграфа Ивановича вопрошающе. Тот кивает, хотя ему и неприятно показывать, что знает значение воровского слова.

– Где были сегодня? Ну, скажем так, начиная с сумерек... Часов с шести.

– Днём был дома. Утром на рынок выходил. Четверть часа на дорогу туда, четверть часа на обратную, ну там с полчаса...

– И потом весь вечер никуда не уходили? Не врать мне тут!

– Я и не говорю, что сидел весь вечер дома... Ушел к девяти.

– Стоп. Кто может подтвердить, что до девяти вы оставались в помещении?

– Как это?

– Приходил к вам кто?

– А кому ко мне вечером приходило? Нет.

– Соседи? Участковый? Где он, кстати, Федор Несторович, отчего не присутствовал при задержании?

– В село до родичей подался, куды ж ему деться. А с этим напрасно вы хороводитесь, товариш следователь. Дайте его мне побалакать на полчаса – раньше спать пойдем.

– Так соседи, спрашиваю, не заглядывали?

– Соседка ко мне, Дрынов, заглядывает во двор, если её куры через забор переберутся. Так куры – вот не знаю уже, учат ли этому в Высшей школе милиции...

– Не отклоняйтесь от существа дела! – презрительно заметил хам Дрынов и покосился на правую сторону впалой своей груди. Евграф Иванович всмотрелся: ишь ты, синий университетский ромбик. Когда-то и он гордился своим значком, пока не утопил вместе с пиджаком по веселому делу в Исети. – Видали мы курей!

– Кур, – быстро поправил Евграф Иванович и, не глядя на бывшего ученика, скороговоркой же добавил. – Спят они в темноте.

– К делу!

– Я к тому, что соседке незачем было заглядывать. А вообще у нас с соседями – у меня то есть, потому что я как раз человек смирный, это жена постоянно с ними бранилась – отношения всё ещё напряженные, однако уже дипломатические. Как отдельные газовые счетчики мы купили, не с чего стало ссориться.

– Стало быть, до девяти уж точно алиби у вас нет.

– Знал бы, где упасть, соломки бы подстелил... А ведь я, пожалуй, могу доказать, что был дома.

– Это как же?

– Стенка у нас тонкая с соседями, а они как раз у себя в зале ругались. Ну, они всегда ругаются, а мне слышно каждое слово. Не хочешь, знаете, а прислушиваешься. Вы б записали: сегодня цапались из-за капусты, что сгнила в погребе. Такие у Коли были претензии, ну и Марья в долгу не осталась. Получку ему, мол, не платят – и всё такое прочее...

– Вот именно – всё такое прочее... Это не алиби.

– А что ты робыв вечером? – это сержант. Неужто возрастная солидарность, наконец, подействовала?

– Чем, то есть, занимался? Так... Покормил собаку, сам поел. Ещё раньше приготовил, конечно. Помыл посуду. Посмотрел телевизор... Рассказать, что показывали?

– Можно подумать, что не вызубрили бы программу... До девяти? А после двадцати одного часа?

– Ну, это святое... Сегодня же воскресенье. А по воскресеньям мы, как и каждую среду, всегда при деле.

– Что такое?

– В картишки перекидываемся. Компания своя, постоянная. Кстати, люди в городе уважаемые – вот кто подтвердит вам, что я ни сном, ни духом!

– Что за уважаемые люди, Столбов? – понизил голос Дрынов, переглянувшись многозначительно с сержантом.

– Уж если они для вас не уважаемые... Директор нашей школы, Виктор Степанович Малеев – раз! И не говорите мне, что не помните его, Дрынов! Вы ведь уже при нём кончали.

– Это уж точно: как вспомнишь, так вздрогнешь... Дальше!

– Главный хирург горбольницы Пищальник Иннокентий Павлович, два. Отец Сергей – три. И я, понятно.

– Что это ещё за отец Сергей? Не знаю такого. Федор Несторович?

– Не Сергей, а Сергей, по церковному. Протоиерей Сергей (Поляков). Надо бы знать, Дрынов, кто... – снова вспылil Евграф Иванович. Сам не зная почему, он обиделся за скромного, порядочного священника.

– Да это новый батюшка, уж лет пять, как у нас. Тихий, себе на уме, но старушки наши про него ничего плохого не кажут, товариш лейтенант, – перебил сержант Евграфа Ивановича.

– А что у нас на них вообще имеется, Федор Несторович?

– Не по нашей части они. Потому как не сидели. Такие люди – это ж клиентура, не при задержанном говорить, сами знаете, кого...

Евграф Иванович наострил уши. Сообразив, позволил себе усмехнуться:

– Если вы про мышанского нашего, из тех, что со щитом и мечом, так Петр Леонидыч захаживает к нам на огонек. Игрывали и закусывали вместе. Вот и у него можете спросить, возможны ли на меня такие подозрения?

Обидчики Евграфа Ивановича снова переглянулись, и он проследил за взглядом Дрынова, пропутешествовавшим к дошатай перегородке. Взор был неласков. И кого они там прячут? Если свидетеля, то очень интересно, кто там у них. Ведь нет и не может быть никакого свидетеля. Хотя...

Хамлюга Дрынов вздохнул, перебрал у себя в портфеле бумажки, ещё раз вздохнул, выбирая, и сунул одну из них Евграфу Ивановичу.

– Вот, распишитесь. Подписка о невыезде.

– Сколько угодно. Куда мне ехать? Знаете, сколько месяцев уже не получаю нормальной зарплаты?

– Знаходятся бойцы, что и на своих двоих тикают. Только от нас не укроешься.

Евграф Иванович вспомнил кое-что из услышанного за карточным столом и от дикторов телевидения, но решил не тянуть время. Отпускают сейчас – вот главное! Привычным жестом достал из нагрудного кармана авторучку, снял желтый колпачок, перечитал бумажку. Повернулся к Дрынову:

– Вы уж извините... Может быть, и не мое это дело, но здесь нет печати.

– С содержанием документа ознакомились? Подписывайте.

Поставил свой росчерк, над которым, придумывая и заучивая, так долго трудился на заре туманной юности. И зачем, спрашивается? Милицейские протоколы подписывать? А почему, кстати, не дают на подпись протокол?

– А протокол?

– Не испытывайте мое терпение. Расписались – и на выход!

Теперь Дрынов смотрел на него с выражением, словно у чиновника горисполкома в чёрных сатиновых нарукавниках, если у него попросить справку – и внутри у Евграфа Ивановича начало в точности так же подкручивать и подзуживать, как у стола чиновничьего, но он смолчал – и снова тем же манером, каким привык тушеваться перед всей этой сволочью. И проглотил готовое с языка сорваться: «Если уж подняли с постели, привезли сюда, так должны бы и отвезти назад». От них дождётся, как же... Да и мысль одна промелькнула, даже и не одна. Во-первых, если его ещё и привезут на ментовской канарейке, так соседей на сей раз уж точно разбудят – даже если до того бог миловал. И ещё: хорошо бы всё-таки узнать, кого они там прятали...

Однако, как промчался Евграф Иванович коридорами отделения, как вырвался на вольный, упоительно свежий предутренний воздух, стало ему безразлично, кто там у них прячется – или, во всяком случае, не настолько любопытно, чтобы самому, по доброй воле, слоняться под отделением, высматривая этого таинственного свидетеля. К тому ж и уверен был Столбов, что узнает о нём и без таких ухищрений. И очень скоро. Не такой у нас городишко, чтобы долго хранить тайны, даже ментовские.

И Евграф Иванович направился домой, а дорожный пеший досуг занял, обдумывая предстоящее внушение Чёмику. С одной стороны, нельзя многого требовать от собачонки размером с ладонь. И Чёмик смертельно боится людей в мундирах – тоже надо принять во

внимание. Что они ему сделали, какой подлой штукой напугали – того уж никогда не узнать: Чёмик, конечно, всё, ну почти всё понимает, что ему говоришь, но вот сказать может о вещах только самых примитивных, собачьих... И не сказать, собственно – сообщить. Так что смягчающих обстоятельств достаточно. Однако же и проступок налицо. Оставлять проступок без наказания опасно: если приучил пса лаять на чужих или там не бегать без разрешения на улицу – должен исполнять. Попустишь здесь – опять разболтается. И дисциплина необходима. Что бы там ни говорили, каждый должен помнить о своих обязанностях. Если ты пёс, ты обязан защищать хозяина, который тебя кормит, и принятое под охрану географическое пространство, свою собачью территорию, само собой, тоже. Вот взять хотя бы нас, шкрабов. Переход от проблем Чёмика к нашим не может быть обиден: если все согласны, что живую собственность следует кормить, то наш хозяин, областное правительство, иного мнения. Оно ставит над нами грандиозный эксперимент: сотням учителей сначала пообещало поднять зарплату, а потом почти перестало её платить. Зачем перестало – если в корень смотреть, отбросив всю эту болтовню о банкротстве региональных бюджетов? А посмотреть, что из этого получится. Тогда это типично научный подход, вообще-то удивительный для правительства, во всём ином весьма далёкого от академизма: вся наука построена на любопытстве, и надо сказать, обычно вполне безобидном... А тут выяснилось: ничего не происходит, люди работают и практически без зарплаты, а начальство их ещё больше шпыняет, чтобы выполняли всё новые инструкции – и на редкость идиотские; глупее были, говорят, только в эпоху дурной хрущевской политехнизации средней школы. Быдло мы – как были, так и остались быдлом, воли бессловесные. Слава Богу, теперь он не может и себя расценивать только так, себе-то он вернул хоть частицу самоуважения. Пусть другие пресмыкаются, а он, хоть на старости-то лет, а познал радость бунта! Не в той сфере, правда, где мечталось, да и бунта ли...

Евграф Иванович тихонько прикрывает за собой калитку. Перед ним в предрассветных сумерках сереет асфальтовая дорожка, по ней от крыльца медленно движется чёрный пушистый комок. Это проштрафившийся Чёмик ползёт навстречу хозяину и повелителю.

За окном совсем уж рассвело, отчего я не могу заснуть? Ведь получилась, как было запланировано, а то, ради чего всё и затевалось – роскошно вышло, блистательно, недаром же я чуть сознание не потерял! А почему чуть? По-настоящему ведь, о всякой осторожности забыв, отключился на несколько минут. Блаженных минут, надо признать – ради этого стоило рисковать. И заплатить за такое не жалко. Конечно же, за наслаждение нужно платить. Я готов. Эта бессонница – ...нет, она скорее напоминает ночь после вручения диплома, когда я не мог заснуть от счастья. И всё-таки не стоит себя обманывать – слишком разные вещи... Никакого сравнения с первым случаем, лучше бы тот назвать инцидентом: тогда ведь – суцая нелепость, сумасшествие какое-то, безумие. Жалкая, нелепая драка, постыдные судороги... Что за радость там была? Разве что радость мести. Но очевидно, и это уже без всяких сомнений, что я не создан для радости мести. Мечь утолена. Как там в Библии? Око за око, зуб за зуб. Ты поступила так со мной, теперь вашего полку убыло. Вас, пошлых, развратных, Крым, Рим и медные трубы прошедших сорокалетних девок, сорокалетних красоток! Сегодня осуществилась вторая половина мести. Ты отняла у меня животное счастье, ты унизила меня, высмеяла, ограбила – я не могу до тебя добраться, да мне и не осмелиться на это, но я уже потихоньку освобождаюсь – и жалкие твои подобию возвращают мне то,

что ты отняла у меня. И они не смогут теперь ни с кем так поступить, как ты поступила со мной.

Моя месть справедлива. Это внутренняя моя справедливость, высшая справедливость. И я уже осуществил её, я выполнил на этот раз весь ритуал и больше не стану этого делать. Мне этого не нужно, вовсе не нужно! Я так долго обходился без этого наслаждения, потерплю ещё. А потом поеду в Геройск – ведь выплатит же нам когда-нибудь государство долги! – и куплю себе в секс-шопе настоящую куклу, и она будет в самый пикантный момент мне подмигивать, а потом говорить: «I love you». Мне и в самом деле больше это не нужно. Я решил так для себя – и точка. Воздаяние должно быть соразмерным. Наказание не должно быть несправедливо тяжёлым в сравнении с преступлением. Но ведь они попытаются выставить преступником меня! Те самые фарисеи, те самые политиканы! В который уже раз они изменили своим политическим убеждениям (если у этого жулья вообще могут быть убеждения), чтобы им не помешали разворовывать страну – и совсем ведь как моя благоверная, та и в замужестве не стеснялась меня грабить, а когда расхотелось... Нет, уж лучше не вспоминать! Они, эти подонки, сами отбросили и совесть, и мораль, однако они же, моралисты (любопытно, какие теперь – капиталистические или христианские?), захотят меня наказать за это свое преступление. Прокуратура уже зашевелилась, задерживают, допрашивают, наводят справки, требуют алиби. Но их уловки бессильны против человека, не обделенного разумом и предусмотрительного. Ваши же коллеги столько лет учили меня, как жить и работать в условиях, когда законы, постановления и правила нельзя нарушать, но и соблюдать невозможно. Вам я не дамся, нет. Я придумаю такой защитный ход, который вам не позволит ни при какой погоде ко мне подобраться.

Ещё немного полежать, и пора уж заниматься домашним хозяйством. Читал я, будто, когда не спишь даже, а просто лежишь в постели, раздетый, с закрытыми глазами, так тоже отдыхаешь. Попробую. Господи, да со мной ли это происходит? Я смог! Главное, что я смог это!

Глава 2. Знакомство

Вот так всегда: и делать тебе здесь вроде нечего, а сиди. Педсовет, называется... Какой совет? Одна бесконечная накачка. Вначале Евграф Иванович каждую секунду ждал, что директор школы Малеев, бледный и сердитый, вовсе не похожий на вчерашнего партнера по преферансу милейшего Виктора Степановича, посмотрит в потолок (всегда так делает, прежде чем скажет нечто неприятное для собеседника) и пробурчит: один-де из наших коллег, к сожалению, сегодня ночью задерживался милицией. Молчит. То ли не позвонили ещё, то ли и не собираются этого делать. Вот удружили бы...

Странный был арест, да и не арест вовсе. Словно хотели взять на арапа. А что? Совсем не глупо. Показать преступнику, убийце труп его жертвы – это, наверное, весьма эффективный прием. Да только в том случае, если убийца – человек обычный. А было ведь сказано: маньяк. Сумасшедший. А такой не раскаяние и не шок может испытать в подобных обстоятельствах – гордость собой, лишнее удовлетворение. И поблагодарить полицию за то, что показали: я, мол, не мог себе позволить наглядеться на дело рук своих, линять в темпе пришлось, а теперь мне хорошо, спасибо, теперь в самый раз... Тьфу! А вчера ведь не сказал следователю главного: это не он, обвиняемый, должен доказывать, что не виноват, это они обязаны представить доказательства. Может быть, потому, что пытались взять на фу-фу, и выпустили пока? Эти сволочи, если прицепятся, так уж не отстанут. Придётся приготовиться к настоящему аресту, чтобы на этот раз не застали врасплох. И адвоката...

– А может быть, Виктор Семенович, нам отрапортовать, что сделано, а самим понемногу готовить эти новые наглядные пособия. Ведь всё лето впереди. А там, глядишь, и дадут обратный ход, как не раз уже бывало...

– Это все философия, Элеонора Николаевна. А мы поставлены сюда не рассуждать, а выполнять распоряжения. Сказано «до первого августа» – и будем... Закройте двери, у нас педсовет!

Учителя, которым великое сидение давно уж осточертело, дружно воззрились на молодую женщину, осмелившуюся вторгнуться в педагогическое святилище. Евграф Иванович тоже стряхнул полудрему, однако со своего стула сумел рассмотреть только нос и на нем очки в модной оправе. Посетительница постояла ещё секунду и, убедившись, по-видимому, что и в самом деле тут лишняя, прикрыла за собой дверь.

Физрук Жорка Кутепов, известный донжуан, изобразил отпад, однако лениво как-то: или не вдохновила его по-настоящему, или устал, бедный, от умственных усилий, а то и не в лучшей своей форме сегодня. Что значит понедельник! А вот училки цветут – май, весна, здоровая работа на огородных грядках... Евграф Иванович наклонился к физруку, прошептал:

– Что, новая мамаша?

– Да нет, не мамаша. Вообще её не знаю, Евграф Иваныч, но в лице что-то знакомое...

– Ну, это ей заливай, Жора, когда станешь кадрить...

– Вот те крест святой, не стану знакомиться, Евграф Иваныч: такие женщины меня просто подавляют!

– Эй, на камчатке! Тихо! И последний сегодня вопрос...

Тихо так тихо. Столбов лениво прикидывает, какие такие качества в женщинах подавляют шустрика Жору и что именно в физруке способны они подавить. Лично он, кроме очков, увидел только нос. Была бы фигура толковая, вначале выставилась бы грудь. А нос... Что о нём скажешь? Для первых солнечных майских дней очень уж бел, не блестит: припудрилась дамочка. А вот очки... В здешней аптеке, что на площади, таких, кажется, не продавали.

Застучали стулья. Мужики полезли за сигаретами, женщины тоже в свои сумочки. Дамы пойдут смолить в женский туалет. Отними у них конспирацию, и половина удовольствия от этой гадости у баб пропадёт. А какое тут удовольствие? Чёрт знает, зачем и сам он курит. Евграф Иванович дал прикурить Жоре, у того ведь спичек отродясь не водится, и побрел на выход. Домой. Или в библиотеку? Там хоть не сразу найдут.

– Столбов Евграф Иванович?

Узнал её по очкам: нос в анфас у дамочки ещё менее выразителен, нежели в профиль. Да, грудь бесформенная, но это разве недостаток? Ноги грубоваты и великоваты. А главное...

– И как – всю уже обсмотрели?

Он машинально кивнул. Да, слишком молода: у этих молодых язык болтается свободно, никаких тебе задержек. Лет двадцать семь, от силы тридцать...

– Если не подхожу вам, не огорчайтесь. Я по другому делу. По уголовному... Из-за него вас беспокоили сегодня ночью.

Столбов взгляделся: та, что сидела в машине! Конечно же, она – и форма стекол, что блеснули тогда ему в темном салоне, такая же...

– Чего вы от меня хотите?

– Это довольно долгий разговор. Не могли бы вы меня повести куда-нибудь?

Евграф Иванович призадумался. Жорка прав: дамочка из тех, что не отвяжется. Вернуться в школу, пригласить её в пустой класс? И без того начнут о нём сплетничать. Вот она, проплывает мимо, словесница Селиверстова. Делает вид, что не обращает на них внимания, но уже, небось, оттачивает фразы, каковыми возвестит новость коллегам. Элеонора Николаевна, романтическая девушка сорока лет! Слава Богу, на него уж не бросает убийственных взглядов – нашла, надо думать, другой объект. А сразу после развода с Ольгой явно им заинтересовалась; хотя, спрашивается, неужели он, освободившись от брачных уз, стал интереснее для неё?

Фря в очках, проследив за взглядом Столбова, и себе всмотрелась в напряженно выпрямленную, но уже согнутую спину словесницы. Вздохнула.

– Не решили ещё?

– Решил. Есть тут спокойное местечко. Немного вперед и через дорогу. Если не испугаетесь.

Она пожала плечами рассеянно. Взяла Столбова под руку. Он мягко, стараясь её не обидеть, отодвинул локоть: слишком уютным вышел у неё жест, не подходящим к облику этой следовательницы – или кто она там?

– Мы ведь на кладбище идём? Да? Неплохая придумка.

– Ещё бы. Где умный человек прячет древесный листок?

– В лесу! А вы читали Честертона?

– Имеется в личной библиотеке. Куплен в легендарные времена за шестьдесят пять копеек.

– Так у вас неплохой вкус, похоже... А моя фамилия Веретенникова, зовут Анной. Я по специальности психоаналитик. Два месяца как приехала из Геройска.

– А что, в прокуратуре есть такая должность, психоаналитик?

– Пока нет, работаю больше на общественных началах.

– Тогда извините. Разговора не будет.

– Передумали прятать моё мёртвое тело среди гробов?

– Разговор теряет всякое значение, – он вырвал руку и, чувствуя, что совершает очередную глупость, но не в силах, как всегда, сдержаться, повернул назад. Получилось, что нарочно хотел прикоснуться к её груди – ой, как нехорошо... Ах ты, лярва!

– Повторяю, Столбов. Это я настояла на вашем задержании вчера. Так вы и теперь не хотите со мной пообщаться?

Он огляделся. Повод изменить опрометчивое решение очень хорош. Да и в любом случае полезно разузнать об этой безумной, что ни говори, истории как можно больше.

Зелёные, по-настоящему, по-весеннему зелёные тополя сразу за оградой, облака сирени и розовый пух цветущих диких яблонь на самом кладбище. Притормозил у дыры в заборе и сделал приглашающий жест:

– Только после вас, госпожа Веретенникова.

Не чинясь, госпожа полезла в дыру. Бесформенное старушечье платье обтянуло ей зад, а под ногами у неё зашуршало, как у крысы, что копается в газетах. Обертки из-под чипсов, пакеты от сока, пустые сигаретные коробочки... Самое запущенное из трёх городских кладбищ. Теперь, собственно, их два. Из имевшихся некогда самое старое оказалось прямо в центре городка и давно, в дни молодости Столбова, попало под снос, на его месте разбит сквер с танцплощадкой, а её молодежь сразу же и назвала «Гробки». А этот вот некрополь тоже в городской черте, и на нём тоже не хоронят, разве что по особому разрешению, подкладывая покойника к уже лежащим здесь членам семьи. Едва ли все мертвецы при этом довольны, но их никто и не спрашивает. Поскольку нет здесь услуги, кладбище заросло и, если бы не несколько дорогих и вычурных надгробий, больше походило бы на сельский погост. Стоит снегу сойти, и сюда слетаются местные выпивохи: вокруг голая степь, а здесь старые деревья, свой особый уют и есть где расположиться с удобством. Сейчас Столбов старается не читать надписи на памятниках, чтобы не отвлекаться от предстоящего. Уверенно лавируя между убогими плитами, заржавевшими оградками и шипами карликовой акации, он выводит Веретенникову к столу со скамейками по бокам.

Выбор оказался не самым удачным: посредине столешницы красуется бутылка из-под дешёвой «Геройской», а сверху, на месте пробки – Евграф Иванович прищурился – спущенный воздушный шарик. Синий и... Ан нет, не шарик! Он крякнул, поднял веточку и смахнул похабство.

– Прошу извинить.

– Так ваша была работа? Не смущайтесь, Столбов. Я, знаете ли, уже замужем побывала. Сядем?

Он развел руками, соглашаясь. Это твои личные проблемы, где ты побывала, в каком дерьме. А вот зачем засадила меня во вчерашнее, разродись, наконец. Теперь как бы это, блин, поделикатнее?

– Анна... Извините, не знаю, как вас по батюшке... Хорошо, пусть просто Анна. Выходит, именно по вашей милости я сегодня не выспался, и весь день всё из рук валилось. Объясните, пожалуйста.

– К чему и веду. Следователь, который вас вчера допрашивал, учился на юридическом вместе с Игорем, моим мужем... бывшим мужем, точнее. Когда я переехала сюда к маме, вернее же будет сказать – возвратилась...

– Так вы здешняя? А в какой школе учились?

– В СШ № 3, имени Бориса Ельцина. Конечно, вы меня много раз видели, даже на концертах, но не обращали внимания. Да к тому же, говорят, я здорово после вуза изменилась... Вот я вас хорошо помню, и даже хотела тогда спросить. А почему бы и нет? Скажите, зачем вы сейчас гримасничаете?

– Сам не знаю. Но замечено, что особенно сильно кривляюсь, когда пытаюсь, знаете ли, размышлять. Вот и сейчас хотел бы, наконец, услышать ваши пояснения...

Столбов старался не показать, как сильно обижен. Знает, конечно же, за собой эту странность, однако соседи и коллеги по работе давно к ней привыкли, в классе он приобык следить за собой и научился пресекать насмешки детей, жестокого народца, поистине не

ведающего, что творит, и уж, во всяком случае, дикарски безжалостного к любому физическому недостатку или к чудачествам. А поскольку никто не удивляется гримасам Столбова, начало ему мниться, что их и нет. Понятно, Веретенникова – человек свежий. И к тому же совершенно беспардонна...

– И нечего сердиться, Столбов! Сейчас лицевое заикание поддается лечению. Может быть, просто под гипнозом. Так вот, после первого же убийства Володька в панике прибежал ко мне: даже ему, тупарю (их там, на юридическом, по мужу ещё заметила, специально оглушают), стало ясно, что это не простое дело. Володька вдобавок в своё время видео посмотрелся...

– Убийца тоже, – промолвил Евграф Иванович.

– Откуда вы знаете? – насторожилась она.

– А как вы думаете, он, что – с луны свалился? Я и триллеры смотрел, и читал про маньяков; вот и знаю, что они всегда кому-то подражают.

– Вот уж не уверена, что всегда, Столбов... Но я тоже кое-чего читала и знаю, что маньяк не останавливается на одной жертве, ему нужно снова и снова испытать те чувства, которые он переживает в первый раз... Опять вы гримасничаете!

– Можете не смотреть на меня. Вон там, за сиренью, замечательный чугунный ангел, одно крыло, правда, отбито... Памятник штейгеру Сыромятникову. 1913 года, да, тысячу девятьсот...

– Да знаю я тут все ваши камни, девчонкой ещё облазила! И вот, сложилась достаточно скверная ситуация. Обещайте, что никому не скажете!

– Обязательно расскажу. Тем более что непонятно мне, отчего я ничего не слыхал про первое убийство. Мышанск – городишко небольшой...

– К тому и веду. Тут им помогли два обстоятельства.

– Кому – им?

– Отцам города, вот кому...

– Яруге? Нашей мышанской мафии?

– Извините меня, но вы имеете то, что имеете. Сами выбирали.

– Я не выбирал. Я не ходил голосовать.

– Послушайте, вы перестанете, наконец, меня перебивать?! Так вот, несмотря на то, что первое убийство имело все атрибуты действий серийного убийцы, маньяка, его удалось замолчать. Во-первых, труп нашли в лесополосе за Гранитным, недалеко от остановки электрички. Вы же сами знаете, в пятнадцати минутах электричкой, и это Мышанский район, но не в городе, а за его чертой...

– А убитая?

– Она-то как раз из Мышанска, но тут-то и возникает второе благоприятное для наших толстосумов обстоятельство. Это одинокая женщина, совсем одна, без семьи. В сумочке рядом с ней нашли документы. Прокурор доложил, кому следует, – и получил указание. Поэтому в её околоте тихо, даже соседи не знают, что она погибла.

– А для чего ж такая секретность? И пресса наша районная почему молчит?

– Так ведь завтра открытие музея – ну, того самого, про первую шахту. Забыли?

– С вашими рассказами забудешь, и как тебя зовут, это точно. Однако же не совсем понимаю, причем тут наш музей.

– А как же! Хозяева города вложили большие деньги в этот проект, пригласили телевидение, понаделали сувениров. Теперь вся надежда на туристов – и расходы оправдать, и прибыль загрести. Если открытие будет шумным, народ повадится сюда ездить – как вон к Столбам или в тот монастырь на скалах, вылетело из головы название... А если рядом маньяк бродит – какие туристы, какая прибыль? Посему будут молчать до последнего... Ещё о чём-то спрашивали?

– Да о прессе... Вопрос снимается. И всё-таки непонятно, причем тут я. Просветите же, наконец.

– Ну, меня пригласил Володька и просит: выручай. Я, говорит, согласовал с начальством. Он по секрету рассказывал, так что я могу только намекнуть: прокурор в прибылях от нового музея тоже очень заинтересован. И вообще, говорит Володька, прокурор здешний не по должности суетлив: тут всякое бывало, но маньяки не возникали, и он теперь буквально икру мечет, хватается за соломинку. Нам, говорит, нужна консультация квалифицированного психолога, а ты ведь имеешь специализацию по психоанализу. Ну, тут я спрашиваю: «А что же такое, Володечка, по-твоему, психоанализ?» Он и отвечает, бедняга: «Психический анализ состава преступления». Каково? Я тут пока без работы; честно скажу, практически на мели и не стала его разубеждать. И он в виде исключения пообещал познакомить меня с материалами следствия. И познакомил. Меня сперва чуть не вырвало, и даже подумала: уж не подзалетела ли я, грешным делом...?

– Искренне сочувствую, – со всем возможным сарказмом отозвался Евграф Иванович.

– Сейчас вы соорудили совершенно великолепную рожу! Как будто вспомнили, каково вам пришлось, когда сами в последний раз подзалетели. Но сочувствия не требуется: тревога была ложной. А потом я пришла в себя, организовалась, прокачала весь материал. Скажу, не хвастаясь: я таки составила психологический портрет убийцы – пока, разумеется, очень приблизительный – и даже сделала кой-какие прогнозы. И первый, как видите, уже оправдался. А ещё поразмыслив, я предложила некоторые, как они это называют, оперативные мероприятия. Вот таким макаром я вышла на вас, Евграф Иванович Столбов. Кстати, обязана предупредить: в милиции знают, что я сейчас беседую с вами, и не позволят вам засунуть мой прекрасный, хоть и слегка подпорченный труп куда-нибудь в разрытую могилу.

– Совершенно напрасная предосторожность, госпожа Вертельникова. А что вы имели в виду, когда говорили, что первый прогноз...?

– Не Вертельникова – Веретенникова я. А ошибка интересная: по Фрейду, так прямо и выдает она ваше внутреннее состояние... Что же касается прогноза, то я заявила Володьке: вы там, в прокуратуре, и не думайте расслабляться, потому что обязательно произойдет второе убийство. И, как видите, не ошиблась... Скажите, неужели вам совсем не интересно, как я вышла на вас? В Мышанске, как-никак, народу больше пятидесяти тысяч...

– Как же, как же, весьма интересно. Тем более, что всё вами сказанное будет наглой клеветой.

– О нет! Хорошо бы... Я имею в виду, что это хорошо было бы для вас, господин Столбов. К сожалению, тут только голые факты. Поскольку такие убийцы, как правило, имеют определенные сексуальные отклонения, я внимательно прочитала весь оперативный материал, который на сей счет нашелся в милицеских архивах Мышанска. Вот уж не думала, что там столько грязи!

– Бросьте! Если вы тут жили...

– Конечно, конечно, но я не подозревала... ну, не до такой же степени! И вспомните: ведь я отсюда уехала глупой девчонкой, а если чего и насмотрелась, так уже в Геройске. Хотя, согласна, можно всю жизнь прожить в большом городе и не знать, что делается в подворотнях, подвалах или за теми зашторенными окнами, по которым скользишь равнодушным взглядом...

– Очень поэтично. Так вы мимо и моих окон прогуливались?

– Некоторым образом. Не буду ходить вокруг да около. В городе до ста пятидесяти разведенных мужчин среднего возраста с определенными проблемами, но только на вас, господин Столбов, жена написала в отделение милиции шесть заявлений, в которых прямо называет вас сексуальным маньяком... Что с вами?

Евграф Иванович хохотал. Буквально захлебывался смехом, корчил при этом уморительные рожи, вытирал слезы и снова, как заведенный, продолжал икать, всхлипывать, сопеть, шипеть и кашлять. Так сяк отдышавшись, выговорил:

– Сучка, профурсетка, давалка дешёвая! Ну, как вас ещё называли? Только не на «бэ», пожалуйста: на «бэ» не комильфо...

– Что вы себе позволяете? – взвизгнула она. Старый ворон, которого кудахтанье Столбова согнало с привычного места на верхушке дуба-патриарха, как раз примеривался вернуться на свою ветку, но теперь предпочел пойти на повторный круг.

– Да ничего особенного! Вы же сами сказали, что развелись. А люди разводятся со скандалами. Я просто воспроизвел словечки, которыми награждал вас супруг в процессе расставания. Так что, мадам, – согласны ли вы признать себя дешёвой давалкой?

– Опасный вы человек!

– Я? Я не опасный! А вот наши старшеклассники – те опасны, и я боялся бы заходить в класс со своей экономической географией, если б не надеялся, что сумею отбрехаться и высмеять зачинщика.

– В данном случае вам не отбрехаться. Ваша супруга приводила факты: вы провожаете взглядом всех девушек, всех пожираете глазами, пристаёте ко всякой юбке и так далее и тому подобное...

– Признаюсь, и даже в «тому подобном». Так ведут себя все мужчины в том возрасте, когда понимают, что молодость ушла, а жизнь уже проходит. Да если к тому же рядом такая гримза, как была у меня. Ладно уж, скажу как специалисту... То, что привлекало меня в этих делах – и поверьте мне, что речь шла вовсе не о какой-либо экзотике – жену не интересовало, вообще не интересовало! Но при том была ужасно ревнива. Бывают такие: и сам не гам, и другому не дам. Жили бы мы в советские времена и будь я партийный, писала бы в партбюро, а так ей оставался один адрес – ментовка. Знаете, по схеме: «Моя полиция меня бережет».

– А профсоюз?

– Она подозревала, что с нашим профоргом у меня роман. То есть с нашей, с математичкой... Вечно пугала какими-то заявлениями, однако меня по ним не беспокоили, так я и не обращал внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.